

Густой белый туман клубился над морской гладью, слой за слоем укрывая волны, будто предвещающая: эта ночь не будет обычной. исполинские рыбы одна за другой выпрыгивали из воды, кружа вокруг небольшого островка суши. Линь Ци лежал на спине, полностью лишившись сил; его окружали цзяожэни. Их пение — томное, чарующее, полное первобытной магии — разносилось над океаном, но слова оставались неразличимыми. Потеряв всякую надежду, юноша мысленно обратился к Системе:

— Ты понимаешь, о чём они поют?

[Разумеется]

Линь Ци оживился:

— И что же?

[Если вкратце: «О великое Морское божество! Пусть невеста в этом году и страшновата, зато она до краёв полна сияния небесной зари. Уж как-нибудь прими её, а взамен, молим, даруй нам побольше детишек»]

Линь Ци:

«...»

Уж лучше бы он продолжал пребывать в неведении.

Песнь становилась всё громче, а туман — гуще. Линь Ци казалось, будто он медленно поднимается ввысь. Вскоре он понял, что это не было игрой воображения: цзяожэни начали соскальзывать в воду, и лишь тот участок земли, на котором он лежал, всё сильнее выступал над поверхностью.

Раздался низкий, протяжный гул, напоминающий отдалённый раскат грома. «Земля» под Линь Ци резко взмыла вверх. Последние цзяожэни посыпались в море, точно пельмени в кипяток; там они замерли, прильнув к своим черноглазым рыбам, и с благоговением устремили взоры на алую фигуру, застывшую в лунном свете.

Только теперь юноша осознал: поверхность под ним на ощупь была в точности такой же, как чешуя той рыбы, что принесла его сюда. Это был колоссальный обитатель глубин, способный нести на себе целый город.

Лунный свет заливал его лицо. В душе Линь Ци нарастала тревога.

— Система, — прошептал он, — мне... кажется, мне срочно нужно в туалет.

[Это не в туалет тебе хочется. Это ты рожать собрался]

Линь Ци:

«!!!»

Всё. Это конец.

Жар, обладающий какой-то дьявольской силой, волной пронёсся от лица ко всему телу. Он был готов разрыдаться от этого зноя, но конечности сделались ватными. С другой стороны, это было даже к лучшему: умей он сейчас двигаться, то под действием этого марева наверняка натворил бы на спине Рыбы-предка таких дел, о которых потом и вспомнить было бы страшно.

— Система, я больше не могу, — взмолился Линь Ци. — Слишком жарко. Я сейчас просто зажарюсь.

[Я ухожу в режим блокировки. Дальше справляйся сам]

Линь Ци:

«...»

Вот она, дружба, познающаяся в беде: даже Система его бросила. Линь Ци чувствовал себя совершенно беспомощным. Вдыхаемый туман, казалось, превращался в его лёгких в жидкий огонь. У него не осталось сил даже на то, чтобы приоткрыть рот. Перед глазами всё плыло, на ресницах выступила влага. Из последних сил он попытался выкликнуть имя — «Ду Чэнъин», но призыв бессильно канул в пучину, не издав ни звука. Он и сам себя не слышал.

Цзяожэни, взявшись за руки, в трепетном ожидании замерли на воде.

Их народ был лишён дара деторождения: каждое новое поколение было даром Морского божества. Невестой божества могла стать лишь прекраснейший из соплеменников с самым чарующим голосом. Облачённую в венец из небесной зари, её должна была вознести к ночному небу сама Рыба-предок.

Однако этот нечестивый заклинатель, не сказав ни слова, отнял у них плод трёхлетних трудов — ткань «Опавшие облака заката». Сколько цзяожэней пролило слёзы, встречая вечернюю зарю и пытаясь уловить её сияние? Сколько их навеки лишилось круга перерождений, приняв облик обычных рыб? Смириться с такой потерей было невозможно.

К счастью... этот злодей так и не сумел воспользоваться украденным сокровищем.

Серебряный диск луны начал медленно клониться к горизонту. В угольно-чёрных глазах морских жителей загорелся огонёк надежды — они ждали пришествия своего бога.

— Тебе не кажется, что стало как-то холодно? — шёпотом пожаловался Юэ Дин, сжимая руку Юэ Ланя.

Тот и сам чувствовал, как холод пробирает до костей, а зубы начинают выбивать дробь. Но в такой священный миг Юэ Лань не смел жаловаться.

— Да, — пробормотал он, понутив голову. — Очень холодно. Вода будто превращается в лёд.

Восприятие воды у цзяожэней было иным: море всегда оставалось для них тёплым, словно объятия матери. Но сейчас всё больше соплеменников начинало дрожать. Дрожь передавалась от ладони к ладони, и даже те, кто давно превратился в рыб, издавали жалобные звуки.

Но по-настоящему страшно им стало тогда, когда они увидели, что саму Рыбу-предка тоже сотрясает озноб.

Морская гладь пошла рябью. Юэ Дин едва мог выговорить слово:

— Что... что проис-с-сходит?

Линь Ци, лежавший на вершине, холода не чувствовал. Он буквально плавился от жара. По его щекам катились слёзы, сознание тонуло в мареве, а губы беззвучно шептали единственное имя, которое было для него залогом спасения.

В этот миг его щеки коснулась прохлада. Чья-то широкая тёплая ладонь легла ему на плечо, и Линь Ци почувствовал, как его поднимают со скользкой поверхности. Он всё ещё не мог открыть глаз, но ощутил знакомый запах. Запах Ду Чэнъина — аромат, приносящий покой. Линь Ци окончательно расслабился, наугад схватил спасителя за одежду и в ужасе пролепетал:

— Ду Чэнъин... я... кажется, я сейчас рожу...

Заклинатель опустил взгляд на застывших внизу цзяожэней и холодно бросил:

— Не родишь.

Водяной Цилян, стоявший рядом, оскалился на огромную рыбу, и та мгновенно скрылась в

морской пучине.

Цзяожэни были парализованы холодом, но их сознание оставалось ясным. Они в ужасе наблюдали, как их Рыба-предок сбегает, а Ду Чэнъин, прижимая к себе бредящего Линь Ци, грациозно опускается на ледяную корку, сковавшую море.

В чёрных глазах морского народа читался неопиcуемый ужас. Только сейчас они осознали, что этот человек до этого момента никогда не показывал им своей истинной силы. Смертельный холод сжал их горла.

Не проронив ни слова, Ду Чэнъин развернулся и пошёл прочь. Иссиня-чёрный Уся последовал за ним, напоследок одарив застывших во льду пленников издевательской ухмылкой.

Линь Ци наслаждался прохладой недолго — вскоре жар снова взял своё. Он беспокойно заёрзал в руках мужчины, и тот негромко прошептал:

— Потерпи ещё немного.

Уся выдохнул ещё одну порцию «Ци Жёлтых источников», и лицо Линь Ци наконец немного расслабилось.

Сам Ду Чэнъин был напряжён до предела. Даже когда его ноги коснулись твёрдой земли, его всё ещё била дрожь — страх снова потерять близкого человека терзал его душу так сильно, что он едва не лишился чувств. Ноги мужчины подкосились, он опустился на одно колено, и полы ярко-алой ткани «Опавшие облака заката» коснулись земли. Линь Ци медленно открыл глаза. Его ресницы слиплись, и он видел лишь смутные очертания лица своего спасителя. Не в силах поднять руку, он через силу прошептал:

— Со мной всё хорошо.

Кап.

На его щеку упало что-то горячее.

Линь Ци замер и широко распахнул глаза. Лицо Ду Чэнъина выражало такое беспросветное отчаяние, что сердце сжималось. Слеза, сорвавшаяся с его левого глаза, казалась произвольной. Он крепко обнимал Линь Ци, его руки дрожали, а взгляд был устремлён в никуда, словно душа покинула тело.

Собрав последние силы, Линь Ци подался вперёд и стукнулся лбом в грудь Ду Чэнъина. Ощувив это движение, тот наконец опустил взгляд. От этого усилия Линь Ци снова бросило в жар, а в глазах заблестели слёзы.

— Ду Чэнъин... посмотри на меня...

Тот застыл и наконец протянул руку, коснувшись пылающей щеки юноши.

— Брат, ты вернулся, — прошептал он едва слышно.

У Линь Ци не было сил на долгие объяснения. Он слабо потянул собеседника за ворот халата:

— Наклонись.

Стоило их губам соприкоснуться, как жар внутри Линь Ци, казалось, удвоился, но в руках и ногах появилась странная сила. Он обхватил Ду Чэнъина за плечи и начал целовать его с неистовой страстью.

Лунный свет, подобно белому шёлку, падал на алое свадебное одеяние, заставляя его сиять небесными красками. Их поцелуй становился всё требовательнее, они прижимались друг к другу всё плотнее, и в этой неистовой близости таял страх. Линь Ци вдруг ощутил прилив неведомой мощи: он резким движением повалил Ду Чэнъина на землю и, оседлав его, вцепился в ворот его одежд. Глядя на его искусанные губы, Линь Ци сглотнул вязкую слюну:

— Ду Чэнъин, давай поженимся.

Мужчина замер в оцепенении. Линь Ци в этих красных одеждах был прекрасен, точно цветок персика; в его тёмных глазах дрожало влажное сияние, а лицо дышало такой жизненной силой, что он походил на молодого, свирепого зверя, который готов в любой миг вцепиться в свою добычу.

Ду Чэнъин в забытьи потянулся к его лицу, но, почувствовав, насколько горяча кожа юноши, мгновенно пришёл в себя. Он рывком сел и крепко прижал Линь Ци к груди.

— Линь Ци, ты не в себе. На тебя наложили заклятье.

— Заклятье? — Линь Ци был на пике возбуждения. Он вцепился в халат Ду и с силой рванул его на себя. — Плевать мне на заклятья! Я хочу жениться на тебе!

Ду Чэнъин подхватил его на руки и бросил мимолётный взгляд на Уся, который старательно делал вид, будто прикрывает глаза хвостом, а сам всюду подсматривал. Цицинь послушно отвернулся, загородив их своей массивной тушей от морского ветра.

Ду принёс разгорячённого юношу в их скромную соломенную хижину. Кровать была ещё не доделана, но он осторожно уложил Линь Ци на доски. Тот мёртвой хваткой вцепился в его пояс, не желая отпустить.

— Линь Ци, потерпи, — мягко уговаривал его Ду. — Луна скоро зайдёт, и действие чар ослабнет.

— Ду Чэнъин, — лицо Линь Ци исказилось, он едва не плакал. — Ты что, больше не любишь меня?

Мужчина склонился над ним. Его высокая фигура накрыла Линь Ци тенью, взгляд стал глубоким.

— Если мы сделаем это сегодня, я боюсь, что завтра ты пожалеешь. Не хочу, чтобы ты ненавидел меня за то, что я воспользовался твоей слабостью.

— Не пожалею. Я уже всё решил, — отрезал Линь Ци.

Он ответил мгновенно, не оставляя Ду Чэнъину ни единого шанса на сомнения. Тот долго смотрел на него, и в глазах юноши нашёл лишь безграничное доверие.

Когда их губы снова встретились, ладонь Ду легла на алый пояс. То, что Линь Ци никак не удавалось расстегнуть, в руках мужчины мгновенно поддалось. Под покровом ткани, сиявшей подобно заре, обнажилось тело, и резкий контраст белого и красного заставил Ду Чэнъина затаить дыхание. Его брат... был поистине искусителем.

На грубых досках неоконченной кровати переплелись две фигуры. Белоснежная кожа юноши окрасилась в нежный, мучительный розовый цвет. Его тонкие руки обвили широкую спину, пальцы нетерпеливо ласкали кожу, безмолвно призывая к близости. Его соблазн был неискушённым и чистым: он изо всех сил тянулся навстречу, желая стать с возлюбленным единым целым.

— Не спеши, брат... — голос Ду Чэнъина сорвался. По его лбу катился пот, руки слегка дрожали. Он осыпал поцелуями гладкую кожу Линь Ци, оставляя на ней яркие отметины.

— Ох... — Линь Ци невольно выгнулся, и в его стоне послышались слёзы. Это наслаждение, прежде неведомое, наконец пробудилось. Несмотря на всё нетерпение, он пытался сдерживаться, крепко вцепляясь в мускулистые руки своего партнёра. Под его пальцами бугрились мышцы, и на фоне этой силы Линь Ци чувствовал себя невероятно мягким. Он словно превращался в расплавленный сахар — тягучий, сладкий и горячий, — что обволакивало тело Ду Чэнъина.

Лунный свет пробивался сквозь щели в соломенной крыше, касаясь тела Линь Ци, и вместе с

багровыми следами поцелуев на его коже разыгрывал партию в шахматы, где главной фигурой была страсть.

Всё произошло внезапно. Даже в самых смелых своих мечтах Ду Чэнъин не смел помыслить, что будет вот так владеть своим братом.

Его Линь Ци — всегда такой сдержанный, добродетельный, с этой вечной тёплой улыбкой... Он никогда не принадлежал этому миру, он всегда был где-то далеко. Но сейчас тот был в его объятиях, всем телом отвечая на каждое прикосновение и поцелуй.

Капли пота стекали по их переплетённым шеям, мерцая в слабом свете. Линь Ци прикусил мочку уха Ду Чэнъина до металлического привкуса крови и в полузабытьи прошептал:

— Младший брат... овладей мной.

<http://bllate.org/book/15815/1427982>